

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Международные отношения: вступительный экзамен в аспирантуру — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 36 вопросов перечня кафедры мировых политических процессов для испытания «вступительное испытание в аспирантуру».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», кафедра мировых политических процессов

ПРОГРАММА

вступительное испытание в аспирантуру

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ · ВОПРОС М12 · ДЕМО

Региональное и глобальное лидерство США.

■ Теория: гегемония vs лидерство

- Шаклеина: гегемония — диктат без согласия; лидерство — добровольная легитимация институтами;
- Богатуров: шкала гегемон→доминант→лидер; переход в «доминанта» после 2001 не означал утраты лидерства;
- 7 признаков лидера: инновации, контроль валюты, торговля/ТНК, сила+союзы, культура, идеология, «пассионарность».

■ Эрозия однополярности

- Рогов: пик мощи США к 2000 г. (1/3 мирового ВВП, доллар — резерв №1), затем эрозия статуса;
- Ирак-2003 без мандата СБ ООН подрвал легитимность «жёсткой гегемонии»;
- Нацразведка США (2008): диффузия силы, цель — «первые среди равных»;
- Дж. Най: «шахматы на 3 досках» — сила однополярна, экономика многополярна; «не упадок, а выбор стратегии».

■ Преемственность целей

- межпартийный консенсус (Шаклеина): демократы/республиканцы едины в цели сохранения доминирующей роли США;
- ТТП Обамы (2011) — вышел из него первым указом Трамп (2017).

■ Курс 2025–2026: тарифы

- 2.04.2025 «День освобождения»: тариф 10% + «взаимные» ставки (20% ЕС, 34% КНР);

- 20.02.2026 Верховный суд (6:3, *Learning Resources v. Trump*) признал тарифы по ИЕЕРА незаконными, отмена с 24.02.2026;
- 24.07.2026 замена по разделу 301: 10% для 17 юрисдикций, 12,5% для остальных из 60 (в т.ч. КНР).

■ Давление на союзников и институты

- 17.01.2026 угроза тарифов против 8 членов НАТО (Дания, Норвегия, ФРГ и др.) из-за Гренландии — снята 21.01.2026, в силу не вступила;
- саммит НАТО в Гааге (06.2025): цель 5% ВВП на оборону к 2035 г.;
- 7.01.2026 выход США из 66 международных организаций (31 структура ООН, повторно — из Парижского соглашения).

■ Факт, прогноз, оценка

- факт: эскалация тарифов и их отмена судом подтверждена практикой (Минфин, *Sidley*);
- прогноз ИМЭМО (2024): тариф КНР 20–40% против заявленных 60% — разошёлся с курсом ИЕЕРА/301;
- Белый дом зовёт давление на союзников победой лидерства, критики в ЕС — эрозией доверия.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение: гегемония и лидерство — разные понятия

В теории международных отношений лидерство и гегемония часто смешивают, хотя это разные явления. Гегемония — соединение влияния и главенства, переходящее в господство с элементами диктата по отношению к несогласным; она навязывается односторонне и, как правило, нелегитимна с точки зрения международного права. Лидерство предполагает общность интересов ведущей державы и тех, кто за ней следует, а также добровольное признание её авторитета: лидер не может объявить себя таковым в одностороннем порядке — статус лидера должен быть востребован теми, кого он ведёт. Применительно к США это не отвлечённый спор терминов: значительная часть исследовательской традиции настаивает, что политику Вашингтона после холодной войны правильнее называть гегемонией, оформленной в риторику «незаменимой нации», а не лидерством в строгом смысле. Одни и те же факты — расширение НАТО, войны в Ираке и Афганистане, тарифная политика 2020-х годов — интерпретируются по-разному в зависимости от того, какое из двух понятий к ним применяется.

■ Теоретическая рамка: типология, признаки, циклы

Отечественная школа предлагает шкалу статусов великой державы: гегемон (обладает военной силой и не нуждается в согласии сообщества) — доминант (ищет поддержки, резолюций Совета Безопасности ООН, коалиций) — просто «лидер» — «антилидер» (способен противостоять доминанту, но не занять его место). Переход США от статуса «гегемона» к статусу «доминанта» истории

относят уже к началу 2000-х годов: перед вторжением в Афганистан и Ирак администрация Дж. Буша-младшего стала искать резолюций ООН и собирать коалиции «желающих» — жест, который сам по себе есть признание ограниченности единоличной воли. Такой переход не означает утраты лидерства как такового: критическая масса нужных характеристик у США, по этой оценке, сохраняется.

Статус лидера измеряют семью признаками: инновационная экономика; доминирование в мировой валютной системе; главенство в торговле и контроль над крупнейшими корпорациями; силовые возможности глобального масштаба, подкреплённые союзами; культурная привлекательность; неконфликтная идеология; «пассионарное» население. По каждому параметру положение США неоднородно: экономическое и военное превосходство остаётся подавляющим, идеологическая привлекательность модели по историческим меркам снижается. Дж. Модельски применяет к мировой политике теорию длинных циклов: за пять столетий функцию глобального лидера последовательно исполняли Португалия, Нидерланды, дважды Великобритания и США — на основе четырёх условий: стратегической организации глобального радиуса действия, передовой экономики, открытого общества и восприимчивости к глобальным проблемам. Показательно, что в «таблице» длинных циклов Модельски преемника США после середины XXI века уже не значится — не потому, что кто-то конкретный должен его сменить, а потому, что сама модель допускает исчерпание института «мирового лидера» как формы организации системы.

■ Однополярный момент и его эрозия

К началу 2000-х годов США подошли, по формуле С. Рогова, «в расцвете могущества»: треть мирового ВВП, свыше половины капитализации мирового финансового рынка, доллар — безальтернативная резервная валюта, бюджет Пентагона — около половины мировых военных расходов. После 11 сентября 2001 года риторика ужесточилась: слово «империя» перестало быть табу в американском публичном дискурсе. Идеологи «имперского строительства» — З. Бжезинский с идеей контроля над «геостратегической триадой» Евразии, П. Вулфовиц с доктриной предотвращения появления сопоставимого соперника — задавали интеллектуальную рамку для доктрин превентивных ударов и смены режимов.

Уже к концу того же десятилетия обнаружились структурные пределы этой политики. Война в Ираке 2003 года, начатая без мандата Совета Безопасности ООН, обернулась ростом антиамериканизма и затратами порядка 700 млрд долларов к концу 2007 года — по оценке российских исследователей, эта кампания подорвала саму идею «жёсткой гегемонии» США. Параллельно накапливались дисбалансы: госдолг вырос с 32,5% до 53,5% ВВП за 2001–2008 годы. Доклад Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2025» (ноябрь 2008 года) зафиксировал переход к «диффузии силы» и перенос относительного богатства с Запада на Восток, поставив перед стратегией новую задачу — стать «первыми среди равных» в многополярной системе. Кеннет Уолтц объяснял неустойчивость однополярности структурно:

доминирующая держава берёт на себя избыточные обязательства и ослабляет себя («имперское перенапряжение»), а более слабые государства из опасения перед будущим поведением гегемона начинают балансировать против него. Джозеф Най предложил иную оптику: власть в мире распределена «по трём шахматным доскам» — военная почти однополярна, экономическая многополярна, транснациональная рассредоточена, — а проблема американской власти в XXI веке не в упадке, а в выборе стратегии, для чего он предложил концепцию «умной силы» — сочетания жёсткой и мягкой силы.

■ Региональное измерение и экономическая база

Три зоны фактических интересов США сложились исторически: Западное полушарие («внутренний дворик», доктрина Монро 1823 года), нефтяные регионы Ближнего Востока и Каспия, а также пояс вокруг Европы, Японии, Кореи, Китая и Индии. В каждой зоне лидерство реализуется через собственные институты: в Европе — через НАТО, изначально созданный, по формуле первого генсека альянса лорда Исмей, чтобы «держать США в Европе, русских — подальше от неё, а Германию — в узде»; в Азиатско-Тихоокеанском регионе — через союзы с Японией и Южной Кореей, а с 2020-х годов также через QUAD и AUKUS (партнёрство с Австралией и Британией по атомным подлодкам, с сентября 2021 года). Показательно, что интенсивность американской дипломатии в АСЕАН заметно уступает китайской: за тридцать лет до 2022 года прошло тридцать саммитов Китай-АСЕАН против девяти саммитов США-АСЕАН.

Финансово-экономическая база лидерства опирается на статус доллара как резервной валюты (порядка 60% мировых резервов) и лидерство в НИОКР (около четверти мировых инвестиций в науку). Вместе с тем структура экономики порождает устойчивый двойной дефицит — торгового баланса и бюджета, — который экономист Жак Рюэфф называл «дефицитом без слёз»: обладая правом эмиссии резервной валюты, США финансируют оба дефицита эмиссией. Доля США в мировом товарном экспорте снизилась с 14,6% в 1953 году до 8,1% в 2021 году, уступив первенство Китаю, а растущее неравенство внутри страны (на 5% домохозяйств со сверхвысокими доходами приходится почти четверть всех доходов населения) стало для многих исследователей симптомом внутреннего кризиса модели, лежащей в основе привлекательности американского лидерства.

■ Преемственность целей при смене администраций

Устойчивый вывод российской американистики (в частности, работ Т.А. Шаклеиной) состоит в том, что глобальная стратегия США после холодной войны демонстрирует идейную преемственность независимо от партийной принадлежности администрации: различия между демократами и республиканцами касаются терминологии и приоритизации задач, но не самой цели — сохранения глобальной доминирующей роли. «Поворот к Азии», провозглашённый администрацией Барака Обамы в ноябре 2011 года, предполагал экономическую составляющую в виде Транстихоокеанского партнёрства — блока, призванного «опередить Китай». Администрация

Дональда Трампа в 2017 году вывела США из этого партнёрства первым же исполнительным указом, но не отказалась от цели сдерживания Китая — сменила инструмент с многостороннего соглашения на двусторонние тарифы: торговая война 2018 года включала повышение пошлин на китайский импорт и санкции против Huawei и ZTE. Доктрина «Америка прежде всего» в стратегии национальной безопасности 2017 года прямо приравнивалась к лозунгу «Америка — мировой лидер»: сокращение обязательств заявлялось не как отказ от лидерства, а как способ его укрепления через снижение издержек и перекладывание бремени на союзников. Та же логика — в стратегии 2022 года администрации Джо Байдена, где утверждается, что ни одна страна не находится в лучшем положении для успеха в конкуренции держав, чем США, при условии действия «в общем деле» с теми, кто разделяет американское видение мира.

■ Курс 2025–2026 годов: тарифная эскалация и союзники

Администрация, вступившая в должность в январе 2025 года, довела экономическое давление как инструмент лидерства до нового масштаба. 2 апреля 2025 года был объявлен базовый тариф в 10% на импорт из всех стран мира вместе с дифференцированными «взаимными» ставками (20% для Евросоюза, 34% для Китая), затронувший не только конкурентов, но и ближайших военно-политических союзников — заметное отступление от послевоенной практики, при которой торговые льготы для союзников считались частью цены их лояльности в системе безопасности. Правовой статус этой политики оказался под вопросом: тарифы вводились на основании Закона о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA). 20 февраля 2026 года Верховный суд США в деле Learning Resources против Трампа постановил голосами 6 против 3, что этот закон не наделяет президента полномочиями вводить масштабные тарифы неопределённой продолжительности; решение признало недействительными все введённые на этом основании пошлины, действие которых формально прекратилось с 24 февраля 2026 года. Взамен уже в день решения был введён временный глобальный тариф в 10% по другому основанию (раздел 122, ограничение 150 дней), а 24 июля 2026 года, когда этот срок истёк, ему на смену пришёл тариф по разделу 301 (обоснование — непресечение импорта продукции принудительного труда): 10% для 17 юрисдикций с запретом такого импорта (в их числе Великобритания, Индия, Мексика, Канада, ЕС) и 12,5% для большинства остальных из в общей сложности 60 расследованных экономик, включая Китай и Вьетнам. Череда судебных и законодательных манёвров показывает, что тарифное давление остаётся неизменным инструментом политики независимо от того, какая правовая конструкция его обеспечивает.

Параллельно инструменты давления применялись и против формальных союзников: 17 января 2026 года были объявлены тарифы против восьми государств — членов НАТО (Дании, Норвегии, Франции, Германии и других) — в связи с их участием в военных учениях в Гренландии, территории, на которую администрация публично заявляла притязания. Подобное использование

тарифов против союзников по оборонительному альянсу не имело прямых precedents в послевоенной практике и вызвало резкую реакцию в европейских столицах; впрочем, до вступления в силу дело не дошло — уже 21 января 2026 года, после переговоров с генеральным секретарём НАТО, администрация сняла угрозу в обмен на рамочную договорённость по Гренландии и Арктике, так что сам факт остаётся эпизодом давления, а не действующим тарифным режимом. Одновременно администрация добивалась от союзников по НАТО увеличения оборонных расходов: на саммите альянса в Гааге в июне 2025 года страны-члены согласились на цель довести расходы на оборону и смежную безопасность до 5% ВВП к 2035 году (из них 3,5% на войска и вооружения, 1,5% на связанную инфраструктуру); на последующем саммите в Анкаре 7–8 июля 2026 года акцент сместился на контроль исполнения этого обязательства. Формально итоговая декларация принята консенсусом всех 32 членов альянса, то есть соответствует критерию добровольного признания, однако единодушие оказалось неполным уже на входе: Испания добилась для себя изъятия из цели 5% («гибкий путь» к тем же оборонным задачам) после того, как назвала показатель «непропорциональным и неоправданным», — то есть добровольность консенсуса в этом случае обеспечивалась готовностью торговаться об исключениях, а не единым согласием по существу. Сопутствующее давление на остальных союзников дополнительно размывает границу между убеждением и принуждением. Курс на пересмотр отношений с многосторонними институтами проявился и на глобальном уровне: 7 января 2026 года подписан указ о выходе США из шестидесяти шести международных организаций и договоров, включая тридцать одну структуру системы ООН — в их числе Рамочная конвенция ООН об изменении климата и повторный (второй с 2017 года) выход из Парижского соглашения, юридически вступающий в силу спустя год после уведомления, то есть в январе 2026 года.

■ Факт, прогноз и оценка

При анализе текущей политики важно различать три категории утверждений. Проверяемые факты — даты и содержание конкретных решений (тарифы 2 апреля 2025 года, решение Верховного суда от 20 февраля 2026 года, указ о выходе из организаций от 7 января 2026 года, договорённость о 5% ВВП на оборону на саммите в Гааге) — подтверждаются независимыми друг от друга источниками и могут считаться установленными. Иначе обстоит дело с прогнозами: российский прогнозный доклад ИМЭМО РАН, подготовленный в 2024 году до начала второго президентского срока действующей администрации, предполагал тариф на импорт из Китая в диапазоне 20–40% как более реалистичный сценарий по сравнению с предвыборным обещанием в 60%; в действительности конкретные ставки определялись серией правовых механизмов (ИЕЕРА, затем раздел 122, затем раздел 301), что делает прямое сопоставление предсказанного и фактического уровня тарифов методологически некорректным — прогноз касался политической цели, а не юридического механизма её достижения. Наконец, существуют оценочные суждения, зависящие от точки наблюдения: официальная позиция администрации — что тарифное давление на союзников и выход из международных институтов

укрепляют лидерство через демонстрацию решимости; позиция значительной части европейских и части американских аналитиков — что те же шаги подрывают доверие к союзническим гарантиям и открывают пространство для конкурентов. Обе оценки опираются на одни и те же факты, но интерпретируют их через разные теоретические рамки — ту самую развилку между лидерством как добровольно признаваемой ролью и гегемонией как навязанным превосходством.

■ Итоги и значение

Региональное и глобальное лидерство США остаётся предметом двух связанных дискуссий: теоретической — о природе этого лидерства и его отличии от гегемонии — и практической — о конкретных инструментах, которыми Вашингтон поддерживает своё положение в данный исторический момент. Обе линии показывают устойчивую закономерность: несмотря на объявленную ещё в конце 2000-х годов эрозию однополярного момента и переход к статусу «первых среди равных», совокупность военных, экономических и институциональных ресурсов США остаётся непревзойдённой ни одним отдельно взятым конкурентом, а межпартийный консенсус в отношении цели сохранения этой позиции пережил уже несколько смен администраций с существенно различающейся риторикой. Вместе с тем конкретные средства, которыми эта цель преследуется, заметно меняются — от многосторонних торговых партнёрств и доктрины «умной силы» 2010-х годов до односторонней тарифной эскалации и выхода из международных институтов в середине 2020-х годов. Этот сдвиг от институционального к транзакционному стилю — пожалуй, наиболее заметная особенность текущего этапа: он проходит по той же границе между лидерством как легитимной, добровольно признаваемой ролью и гегемонией как её теоретической противоположностью, с которой начинается анализ этой темы.

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Международные отношения: вступительный экзамен в аспирантуру» — 36 вопросов перечня кафедры мировых политических процессов для испытания «вступительное испытание в аспирантуру» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.